

Идентификация Эриксона

Рецензия на книгу: Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора (опыт исследования природы клиничко-психологического знания).

Монография. М.: ООО «ИПЦ "Маска"». 2011. 306 с.

Н.Н. ТОЛСТЫХ

*доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой
социальной психологии развития*

Московского городского психолого-педагогического университета

В рецензии в необходимой степени развернутой форме и при этом содержательно аргументированно представлены результаты анализа монографического исследования теоретических построений Э. Эриксона в контексте реальной жизненной истории последнего. Рецензия носит отчетливо выраженный объективный характер, демонстрируя как конструктивно-позитивные достоинства монографии, так и определенные ее недостатки, в решающей степени обусловленные субъективной позицией авторов и к научному творчеству Э. Эриксона и к оценке его собственных личностных особенностей.

Имя Эрика Эриксона, равно как и его теория, долгое время были практически неизвестны в России, и если бы не вышедшая в 1978 г. статья Л.И. Анциферовой [1], так и оставались бы достоянием очень узкого круга посвященных. Контакты с заграницей в то время были минимальными, а книги Э. Эриксона — для большинства недоступными. И только в 1996 г., через два года после смерти Э. Эриксона, через сорок лет после его триумфального восхождения на Олимп мировой психологической науки и через десять лет после начала перестройки в СССР были опубликованы в русском переводе сразу две его основные работы — монографии «Детство и общество» [5] и «Идентичность: юность и кризис» [6], вышедшие в США соответственно в 1950 и 1968 гг. «Неизвестный классик» — так назвал тогда свое предисло-

вие к книге «Идентичность: юность и кризис» А.В. Толстых [4].

Очень скоро, однако, взгляды Э. Эриксона приобрели в России невероятную популярность (как выражаются Н.С. Бурлакова и В.И. Олешкевич, авторы рецензируемой монографии, «подобно вирусу проникли»), причем не столько в области клинической психологии и психотерапии, сколько в возрастной психологии, психологии развития, психологии личности и социальной психологии. Его эпигенетическая теория подробно освещается во всех современных отечественных учебниках психологии, ссылки на его работы в научных исследованиях повсеместны, а введенное им понятие «идентичность» сегодня активно используется не только психологами, но и педагогами, искусствоведами, журналистами и др. Примером применения

и развития концепции Э. Эриксона в рамках социальной психологии, могут, например, служить разработки В.А. Ильина [2; 3 и др.], позволяющие увидеть глубинные проблемы становления идентичности в современном российском социуме.

В свете сказанного рецензию на вышедшую в 2011 г. обширную монографию Н.С. Бурлаковой и В.И. Олешкевича «Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора» легко начать, например, таким клише: «многочисленные поклонники творчества известного американского психолога Э. Эриксона будут обрадованы выходом в свет монографии, посвященной его жизни и творчеству...». При этом я бы здесь же и продолжила: «но еще больше эта книга обрадует тех, кто не любит этого автора, кто считает его теорию поверхностной и малоубедительной, а тексты — запутанными и туманными».

Что же это за книга? Авторы уже в названии и затем многократно в тексте ясно формулируют свою задачу (точнее, сверхзадачу): показать, как личная история жизни Э. Эриксона и способы, какими он на протяжении этой жизни решал свои внутренние проблемы, отразились на содержании созданной им концепции, проявились в его понимании идентичности и путей ее достижения. При этом Н.С. Бурлакова и В.И. Олешкевич позиционируют себя в качестве первооткрывателей такого подхода. «Существует представление, — назидательно пишут они, — что научное знание развивается в рамках развертывания некоторых общих

потенциалов науки, научных парадигм и т. п. и мало связано с личностью автора. Это неверная точка зрения. Особенно в гуманитарном познании и, тем более в психологии, всякий серьезный подход в психологии, как мы пытались показать в этой книге, а также в других работах¹, опирается на определенный личный опыт автора, который разными способами отражается в соответствующих теориях (экстериоризируется, проецируется, прорабатывается и т. п.)» [с. 278].

В действительности такой подход вряд ли можно считать новым. В искусствоведении он существует с незапамятных времен, но представлен и в науковедении: в частности, в психологии, во всяком случае, в области персонологии, он является делом обычным. Редко встретишь биографию З. Фрейда, автор которой не связывал бы нарастающую «мрачность» его теории, включение в нее наряду с инстинктом жизни инстинкта смерти, интерес к проблематике агрессии и агрессивности с теми проблемами в его жизни и здоровье, в его семье и стране, которые он переживал в 20—30-е годы XX века. Редко встретишь и биографию А. Адлера, в которой многие положения его теории не связывались бы с его детским опытом, полным болезней, физической слабости и уязвимости. Перечисление примеров легко может быть продолжено. И даже если мы будем говорить об Э. Эриксона, то, например, в уже упомянутом кратком предисловии научного редактора к переводу книги «Идентичность: юность и кризис» А.В. Толстых писал: «Особая эмоциональная заряженность текстов Эриксо-

¹ Имеются в виду ранее написанные авторами работы: Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Детский психоанализ: школа Анны Фрейд. М., 2005; Олешкевич В.И. Индивидуальная психология и психотерапия Альфреда Адлера. М., 2010.

на, а порой и их пристрастность свидетельствуют о том, что проблема поиска человеком своей индивидуальности была для него не только теоретической научной задачей, но и, говоря более близким нам психологическим языком, “задачей на смысл”, несла моменты глубоко личностные» [4, с. 8]

Как бы то ни было, несомненно, что обсуждаемый подход не только имеет право на существование, но и продуктивен, полезен, да и попросту по-хорошему интересен, так как дает возможность глубже понять позицию ученого и суть его теории, хотя бы немного прикоснуться к тайне его творчества. Сколько будет жить интерес к поэзии Александра Пушкина, столько людям будет интересно знать, что же это был за человек и что было у него с Анной Керн такого, что он смог вот так написать: «Я помню чудное мгновенье...». И про Эрика Эриксона это все тоже очень интересно.

Принадлежа к лагерю поклонников теории Э. Эриксона, будучи одним из переводчиков на русский язык его книги «Идентичность: юность и кризис», иными словами, чувствуя определенную причастность к его творчеству, не слишком много при этом зная о личности и о жизни этого человека, я, можно сказать, с трепетом открыла монографию Н.С. Бурлаковой и В.И. Олешкевича и самым внимательным образом прочла все 306 страниц большого формата, «исполненных» мелким шрифтом.

Содержание, точнее сказать, смысл монографии можно изложить в нескольких словах: Эрик Эриксон, со всех сторон малосимпатичный человек (и это мягко сказано), к тому же человек малообразованный, всю жизнь решавший (но так и не решивший) задачу построения

собственной идентичности, именно поэтому создал свою концепцию идентичности (неглубокую и довольно невнятную, неважно к тому же изложенную в текстах), концепцию, которая потому стала столь популярной в США, а затем и во всем мире, что попала в мейнстрим недалекой массовой американской культуры. Объективности ради скажем о том же словами авторов рецензируемой монографии: «... многие из идей, разрабатываемых Э. Эриксоном, являлись средствами его личного выживания, средствами поддержания и воспроизводства соответствующего внутреннего опыта в определенных социальных и культурных условиях. И тем самым они выполняли определенную психотехническую функцию, фиксируя и рефлексивизируя способ и характер разрешения проблемных ситуаций, в которые ввергает индивида соответствующий опыт... Резонанс индивидуального и массовых культурных проблем в американской действительности, синхрония личного и общекультурного привели к тому, что взгляды Э. Эриксона приобрели столь широкую популярность» [с. 8].

Естественно полагать, что авторы никогда Э. Эриксона не видели, с ним или с теми, кто его знал, не общались. Они использовали для своих построений и выводов биографии Э. Эриксона, написанные другими людьми, а точнее, три «вызывающие доверие» источника — биографические описания Р. Коулза [8] и Л. Фридмана [9], а также воспоминания младшей дочери Э. Эриксона Сью Блоланд Эриксон [7]. Проведя огромную аналитическую работу, Н.С. Бурлакова и В.И. Олешкевич подробно описывают все этапы жизни Э. Эриксона, начавшейся в 1902 и закончившейся в 1994 году,

растянувшейся, таким образом, почти на весь XX век. При этом авторы не только шаг за шагом прослеживают события жизни этого человека и его ближайшего окружения, но и вписывают их в широкие контексты социальной, культурной и научной жизни Европы и Америки разных лет. И это несомненное достоинство книги.

Очевидно, что не это жизнеописание само по себе было целью работы. Как уже сказано выше, авторам важно было увидеть в зеркале этой жизни созданную Э. Эриксоном теорию. И здесь также, думаю, их интересы и интересы большинства читателей должны совпадать. Проблема, однако, в том, как это «отзеркаливание» делается авторами.

Начну с того, что читателю, не знакомому с источниками, на которые опираются Н.С. Бурлакова и В.И. Олешкевич, за редкими исключениями, нелегко понять, где они просто повторяют чужие суждения, а где высказывают свои. Иными словами, остается не вполне ясно, насколько общепринятыми, распространенными хотя бы в англоязычной литературе или, напротив, оригинальными содержащиеся в рецензируемой монографии идеи. Думаю все же, что и сделанные акценты и выводы, и стиль изложения, и общее впечатление, которое оставляет рецензируемая монография, — это зоны персональной ответственности ее авторов. И именно это может и должно быть предметом рецензии. Выскажу (с сожалением) свое впечатление от прочитанного следующими словами: прямолинейно, бесцеремонно, высокомерно.

Прямолинейно — потому что Н.С. Бурлакова и В.И. Олешкевич слишком прямо, непосредственно выводят многие положения теории Э. Эрик-

сона из того или иного жизненного обстоятельства или личностной черты ее автора.

Бесцеремонно — потому что именно особо не церемонятся, вторгаясь, подчас беспощадно, в самые болезненные, интимные стороны жизни Э. Эриксона (невозможно, например, читать выбранные ими слова осуждения в его адрес за то, что не оставил дома, а отдал в лечебницу родившегося с синдромом Дауна своего четвертого ребенка Нейла).

Высокомерно — во-первых, по отношению к читателям, которые, похоже, воспринимаются авторами как люди со сниженным интеллектом, не способные усвоить основную авторскую идею, и поэтому она повторяется на страницах книги бесчисленное число раз; во-вторых, по отношению собственно к Э. Эриксону, в описании теории которого постоянно встречаются «субъективные оценочные суждения» такого рода: не понял, не учел, глубоко не проанализировал, не догадался, в нужном месте не сослался и т. д., и т. п.

Попробую подтвердить вышесказанное цитатами из рецензируемой монографии.

Начну с того, как Н.С. Бурлакова и В.И. Олешкевич описывают и оценивают жизнь и личность Э. Эриксона. Стоя, по сути дела, на психоаналитической позиции (об этом сами они, правда, не пишут), они полагают, что первопричиной особенностей личности Э. Эриксона и, в частности, трудностей в построении им собственной идентичности послужили его уходящие в детство и пронесенные через всю жизнь переживания, связанные с неясностью вопроса, кто же в действительности был его отцом, а также специфика его воспитания матерью, а за-

тем и отчимом. Сюжет для небольшого рассказа. Но в монографии обо всем этом очень подробно.

Нарисую портрет Э. Эриксона, выбрав почти наугад характеристики, которые дают ему авторы.

«Э. Эриксон был достаточно типичным случаем «как бы личности», если следовать взглядам Х. Дойч» [с. 104]. «Человек со сложным несчастливым детством, неудачной “экспериментальной” юностью, не получивший систематического образования и не имевший к взрослому возрасту никаких серьезных свершений ни на одном из поприщ» [с. 114]. «Э. Хомбургер (эту фамилию — фамилию отчима — Эриксон носил до того времени, когда после переезда в США сменил ее на фамилию Эриксон — *Н.Т.*) не умел систематически трудиться, ему было трудно довести что-то до конца, да и отсутствие полноценного образования тоже давало о себе знать» [с. 127].

Говоря о записках Э. Эриксона 23—24 гг.: «По сравнению со слабой, бесцельной, оборонительной и переменчивой личностью ее автора стиль и глубина некоторых записей выглядела контрастно» [с. 89]. «Его жажда принятия и признания — это во многом страдания избалованного ребенка, которого мать любила тем “видом” любви, который по всей вероятности является сложным, амбивалентным и реактивным» [с. 55].

Авторы не раз пишут о неблагоприятности и даже предательстве Э. Эриксона по отношению к своим учителям. Вот примеры: «Манера, в которой Э. Эриксон впоследствии говорил об их (с А. Фрейд — *Н.Т.*) сотрудничестве, свидетельствовала о его амбициозности, уязвимости, желании стать великим в совокупности с обесценивающими и неблагоприятными высказыва-

ниями в адрес А. Фрейда... В другие моменты Э. Эриксон и вовсе относился к А. Фрейд как к второсортному и неопытному аналитику» [с. 106]. «Отметим странный диссонанс в характере воспоминаний Э. Эриксона: он сохранил всего лишь одно (!) теплое воспоминание о Вене, которая, по сути, дала ему все! Это единственное воспоминание окрашено нарциссическими акцентами: сам Профессор Э. Фрейд ради него пришел на вокзал и пожал на прощание руку. Напутствие Э. Фрейда весьма простое: он желает «сохранить сердце добрым и любящим». И это в то время, когда Э. Хомбургер по сути предает то, чему был как будто бы привержен ранее» [с. 134]. «Утверждение, что Э. Эриксон “хранил верность Вене в своем сердце”, звучит скорее как рекламный лозунг в кампании по самопрезентации в американском обществе. “Этим элементом своей биографии можно выгодно пользоваться”, — так можно реконструировать жизненный вывод Э. Эриксона» [с. 157].

Еще чаще Н.С. Бурлакова и В.И. Олешкевич пишут о, на их взгляд, патологической неспособности Э. Эриксона построить собственную идентичность, связывая эту неспособность, прежде всего, с полным отсутствием у него самости: «В теории Э. Эриксона самость не присутствует, он где-то даже не догадывается, что это можно чувствовать и об этом можно думать» [с. 79]. «На материале жизненной истории Э. Эриксона можно сказать, что человек может прожить жизнь и прожить ее социально эффективно, но в основе своей она не подлинна, но невротична. Это только защита, отшатывание и бегство от себя глубинного, аутентичного. Так случилось с Э. Эриксоном» [с. 108]. «Ис-

кать же идентичность внутри ему было страшно, ведь, заглядывая внутрь, там можно было обнаружить, в сущности, лишь пустоту. Оставался единственный путь — путь специального построения идентичности. И это могла быть для Э. Хомбургера только профессиональная идентичность, которая является объективной, внешней и социально значимой... Но свою внутреннюю идентичность Э. Эриксон, похоже, так и не открыл» [с. 54]. «Сам характер предпринятого Э. Хомбургером “поиска” себя в разных науках носит явно защитный характер. В отличие от возможности испытания себя в избранных областях, которая кажется естественно сопряженной с процедурой поиска, он ждет, что кто-то или что-то, какие-то внешние обстоятельства помогут ему. И эта ситуация метания и “бросания” от одного научного интереса к другому с невольной надеждой, что обстоятельства сложатся в его пользу, возможно, в чем-то и определила последующую психологию Э. Эриксона» [с. 109]. «Э. Эриксоном всегда распоряжались внешние обстоятельства. Встретившись с А. Фрейд и с идеями эго-психологии, Э. Эриксон приходит к формулированию своей теории эго-идентичности. И в этом смысле его теория об идентичности, в значительной мере, является для его автора защитной теорией» [с. 78]. «Теперь в зрелом возрасте Э. Эриксон как будто способен сказать правду (о кризисе идентичности — *Н.Т.*), а тем самым глубже осознать и проблемы своей идентичности. Хотя, похоже, это тоже осуществилось лишь на рефлекторно-теоретическом уровне. На уровне эмоциональном понять и принять себя Э. Эриксон, видимо, так и не смог» [с. 152].

Н.С. Бурлакова и В.И. Олешкевич по тому или иному поводу нередко сравнивают Э. Эриксона с разными людьми — А. Адлером, А. Фрейд, Г. Кохутот и др., и всегда герой их повествования в этих сравнениях проигрывает. Даже в сравнении с женой: «В отличие от своего мужа, который мог только черпать и брать, Джоан была ориентирована на то, чтобы давать» [с. 123]. Семьянин он, по их мнению, был, кстати, тоже, мягко говоря, «не очень»: «Постоянно сомневающийся, неуверенный и в одиночестве нежизнеспособный, все время находящийся “на пути к обретению идентичности”, он не мог выступить опорой для семьи» [с. 200].

И вот такой человек создает свою теорию идентичности, которую, как уже было сказано, авторы рецензируемой монографии расценивают как непосредственное отражение его личных проблем. Конечно, полагают Н.С. Бурлакова и В.И. Олешкевич, вряд ли с такой легковесной концепцией он мог бы прославиться в Европе, где уровень психоаналитических разработок был высок, но в тогдашней Америке это у него получилось: «Ощущение свободы вдали от учителей, грандиозные амбиции привели к тому, что Э. Хомбургер легко отказывается от правил, выстраданных в психоанализе годами» [с. 154]. «В определенной мере Э. Эриксон прославился не благодаря развитию психоанализа, но благодаря его модификации, что могло вполне выглядеть как «предательство» по отношению к классическому учению. Заметим, что эта модификация, достаточно несложная и удобная общественному мнению, выглядела в глазах классического психоаналитика того времени действительно “постыдной”. Ведь Э. Эриксон не совершает новых откры-

тий в психоанализе, но лишь делает его публичным, где-то упрощая его в угоду американской публики и запросу социальной ситуации» [с. 113].

«Взгляды Э. Эриксона, — в очередной раз пишут авторы, — суть проекция нарциссичного ребенка, рожденного “для себя” матерью, самосознание которой было крайне противоречиво» [с. 33]. «Особые отношения с матерью, затем с А. Фрейд и ее соратниками и, наконец, с Джоан стали тем социально-психологическим материалом, из которого Э. Эриксон впоследствии “ваяет” свою психологическую концепцию... Мучительный конфликт между собственным нарциссизмом и конвенциональным отношением к психоанализу разыгрывается во внутреннем мире Э. Хомбургера. Э. Эриксон впоследствии будет писать о доверии, хотя сам не доверяет никому, не может позволить себе быть откровенным и т. п. Эта ложная инфантильная и неаутентичная идентичность и получит свое развитие в Америке, где он обретет “вторую родину”, встретится с обществом, которое примет эту идентичность и “поймет” его. Но внутренне Э. Эриксон так и останется расколотым, напряженным и, в общем-то, несчастным» [с. 124]. «В своем общем выводе Э. Эриксон подтверждает сказанное другими аналитиками, не вносит нового содержания, кроме нестойкой и быстро исчезающей социальной окраски. Его исследования никоим образом не изменили психоаналитическую схему интерпретации. Социальная чувствительность в данном случае подводит Э. Эриксона» [с. 170].

Авторы расценивают понимание идентичности, предлагаемое Э. Эриксоном, как не слишком удачное. «При более глубоком анализе, — пишут они, —

обнаруживается хрупкость теории Э. Эриксона и ее связь с собственной неуверенностью, с его “харизмой” и идентичностью. Идентичность как в жизни, так и в теории Э. Эриксона представляет собой способ закрытия (латания) экзистенциальных дыр как в его личном опыте, так и в американской культуре, а также способ своеобразной социально-политической манипуляции аудиторией. Э. Эриксон конструирует свою идентичность. Но это “ложная идентичность”. Она ближе к теориям построения имиджа, концепциям успешной личности» [с. 246]. «Идентичность в смысле Э. Эриксона, если видеть ее экзистенциально, являет собой антиидентичность, уход от себя и своей природы. Личная идентичность для него равносильна социальной идентичности, представляемой обществом, человек воспроизводится как функциональная единица своего общества, идентифицируясь с социальными ролями, образцами, направляемый безудержным стремлением получить признание других людей» [с. 262].

Н.С. Бурлакова и В.И. Олешкевич неоднократно подчеркивают невероятную амбициозность Э. Эриксона, сочетающуюся при этом с невысоким во многих отношениях качеством его концепции: «Э. Эриксон явно пытается занять авторскую позицию “мудрого человека”, притязает на оппонирование современной науке в целом, хотя часто не имеет для этого оснований» [с. 211]. Он, пишут они, «чувствовал себя крайне неуверенно в теоретико-сопоставительной плоскости» [с. 238].

Авторы рецензируемой монографии сетуют, что Э. Эриксон мог бы создать гораздо лучшее учение, но в силу своих личностных и интеллектуальных воз-

возможностей, а также недостаточной образованности этого не сделал. Вот пример таких суждений: «Данные этнографические примеры могли бы служить для Э. Эриксона материалом для проблематизации соответствующих психоаналитических теорий развития ребенка, сформулированных на материале психологических исследований в рамках европейской культуры. Но таких размышлений и соответствующей глубины интересов в текстах Э. Эриксона не просматривается. Можно даже сомневаться, что он следует за исследованиями в рамках школы М. Кляйн. Скорее, он замкнут на свои личные интересы, свой личный вклад и особенность... Возникает ощущение, что Э. Эриксон представляет себя в качестве чуть ли не единственного психоаналитика в этом новом приютившем его социальном и культурном мире» [с. 187].

Конечно, Э. Эриксону полезно было бы, как считают авторы, более внимательно отнестись к учению З. Фрейда: «Образы себя, идентификации представляют собой именно образы в некотором роде социально-зависимого, ориентированного на их принятие характера. Испытание этих образов реальностью напоминает конструирование социальной маски. И это Э. Эриксон в сущности и называет идентичностью, опять же двигаясь в размышлении в русле аналогии с собой. Но где же настоящее, реальное Я, настоящая, заземленная на человеческое бытие, идентичность? Здесь, казалось бы, по логике самого предмета Э. Эриксон и должен был бы обратиться к теории нарциссизма З. Фрейда, где на психологическом уровне разрабатываются идеи объяснения самочувствия индивида, чувства себя, непосредственного переживания собственной личности. Но

этого Э. Эриксон так и не делает, опыт таких переживаний остается отчасти не доступным для него, а отчасти вызывающим тревогу, в том числе и тревогу уже достигнутой им социальной идентичности. Логичнее, отталкиваясь от идеи эго-идеала З. Фрейда, противопоставить его реальному Я, что сделал К. Роджерс примерно в это же время» [с. 239–240].

По мнению авторов рецензируемой монографии, не только принципиально недоступная Э. Эриксону «самость», но и целый ряд других важных конструктов должен был бы быть представлен в теории Э. Эриксона (интересно, почему?), но представлен не был. Например: «В теории Э. Эриксона нет ни самостоятельного и самодостаточного индивида, ни автономного и самодостаточного Другого. Другой осмыслен только в своей подтверждающей идентичность человека функции. Э. Эриксон в таком случае описывает зависимого субъекта, каковым и был сам» [с. 245]. Или вот еще: «Идея центра обоснована в концепции К. Роджерса, К. Юнга, но у Э. Эриксона эта идея не обоснована, поскольку его личный опыт сделать это не позволяет. В его концепции отсутствует также идея индивидуальности, внутреннего направления развития и внутренней его осмысленности» [с. 244]. «Еще меньше Э. Эриксон говорит о диалектике, диалоге теневой и признанной социумом стороны, в его работах этой динамики нет или крайне мало. Но самое главное — человек у Э. Эриксона весь вовне, сплошь ориентирован на признание: не существует личности самой по себе и для себя, личности, мотивированной из своих внутренних побуждений, человека, ориентированного на внутреннюю гармонию (как, например, у К.Г. Юнга). Есть

только личность, стремящаяся заполучить славу, восхищение своего окружения» [с. 242–243]. «Кроме того, если А. Фрейд говорит о развитии личности, о развитии защитных механизмов, то Э. Эриксон в некотором роде игнорирует это, не ассимилируя в своей концепции, вводя понятие идентичности в виде определенной социальной ориентировки» [с. 243].

Н.С. Бурлакову и В.И. Олешкевича подчас буквально удивляет глупость и недалёковидность Э. Эриксона. Например, явно идя по ложному следу, какие возможности он упускает, анализируя «примитивные» культуры! «Казалось бы, — как бы подсказывают они Э. Эриксону, — в этом «поле» и следует искать тайну обретения идентичности. Но удивительно, что Э. Эриксон обращает внимание не на процесс становления идентичности, не на изучение ее структуры, не на то, как определяется судьба каждого из членов племени и выбор жизненного предназначения, но на девиации» [с. 191].

И, кстати, об индейцах и других социальных проблемах Америки, в решении которых Э. Эриксон как гражданин США мог бы помочь, но не помог, что, по мнению авторов, также не говорит в пользу его теории, поскольку она, таким образом, не прошла проверку социальной практикой: «Э. Эриксон, делая акцент на том, что идентичность человека конструируется в социальной реальности, не предлагает какой бы то ни было социально-психологической методологии для решения проблем индейцев... Возможность применить на практике концепцию является не только своеобразным ее испытанием, но, в некотором роде, и проверкой личности самого Э. Эриксона — гражданина США. И это

еще один пример того, как автор “Детства и общества” уходит от непосредственного столкновения с социальной и экзистенциальной реальностью жизни, отдавая предпочтение ее схематическому изображению. Отметим, что это происходит в то время, когда социальные науки начинают становиться весьма конструктивными и технологичными. Так что шанс на подлинную интеграцию психоанализа с быстро развивающимся комплексом социальных наук Э. Эриксон не реализует» [с. 197].

Не удовлетворяет Н.С. Бурлакову и В.И. Олешкевича и стилистика текстов Э. Эриксона (которая, по их мнению, тоже, естественно, связана с его личностными проблемами): «Анализ манеры написания текстов Э. Эриксона, как не раз обращалось внимание читателя, убедительно демонстрирует, что автор, вместо досконального и кропотливого анализа фактов или психологических явлений, часто тяготеет к “литературности”, создавая видимость глубинного психологического понимания. Он ориентирован, прежде всего, на обнаружение некоторой красивой схемы и затем склонен обрамлять ее интригующими читателя художественными картинками. Недостаток погружения в материал зачастую подменяется красивым литературным оборотом. По мере чтения текста Э. Эриксона явственно рождается ощущение, что автор “не внутри” материала, но “вовне” его, будучи, прежде всего, озабочен своей презентацией, экспликацией тонкости своего ума, “клинической” наблюдательности в глазах читателя» [с. 191]. «Концепция Э. Эриксона является лишь теоретически-защитной конструкцией, этому соответствует и его стиль изложения. Каждая новая мысль дается с боль-

шим трудом и оговорками, видно, как автор с усилием пытается уклониться от предполагаемых возражений, это именно интеллектуальное конструирование, и для него эти конструкции являются защитными, покрывающими его “нарциссические раны”. Как только рационализации перестают работать, как только Э. Эриксон перестает получать эмоциональную поддержку, прежде всего, со стороны жены, он попадает в “депрессивную тюрьму”» [с. 199]. В другом месте: «Важно отметить эмоциональную закрытость Э. Эриксона, он делает долгие оговорки, придает дополнительный вес часто незначительному тематическому содержанию. Отметим определенную смысловую и ценностную нечувствительность, а иногда и вовсе противоречивость в высказываниях» [с. 211]. «Так может писать человек, не погруженный в рационализации психоанализа, претендующий на решение своих фундаментальных проблем и размышляющий в контексте определенных интеллектуальных матриц. У Э. Эриксона нет потребности прорабатывать систематически наработанное в рамках своей дисциплины (свидетельство тому — отсутствие ссылок)... Важно понимать, что Э. Эриксон формулирует их (свои идеи — *Н.Т.*) в виде общенаучной методологии, что не свидетельствует о глубине понимания проблемы» [с. 219].

Я намеренно привожу многочисленные и довольно длинные цитаты, чтобы мои довольно резкие суждения о рецензируемой монографии не выглядели голословными. Это цитирование легко могло бы быть продолжено. Однако образ человека Эрика Эриксона и представление о его теории, которые рисуют нам Н.С. Бурлакова и В.И. Олешкевич,

видятся из них достаточно ясно. Справедливости ради замечу, что кое-что хорошее об Э. Эриксоне все же говорится. Этому даже посвящен отдельный параграф, который так и называется: «О позитивном значении психологии Э. Эриксона». Он, правда, невелик (всего 8 страниц) и непосредственно предваряет заключение, так что упорный читатель добирается к нему лишь в самом конце книги. Прямо скажу, написан этот раздел, что называется, «без огонька». Авторы в основном просто пересказывают некоторые фрагменты из книги Э. Эриксона «Идентичность: юность и кризис». Но и здесь не могут удержаться: «Подводя итоги, следует сказать, что в целом, несмотря на эвристичность отдельных положений, мышление Э. Эриксона остается синкретичным» [с. 274].

Автору этой рецензии представляется неуместным вставать на защиту теории Э. Эриксона или отдельных его положений, равно как и его личности. На мой взгляд, Э. Эриксон в этом не нуждается. В конце концов, он уже, как Джонатан, сам может выбирать, кому нравиться, а кому — нет.

Не имея ни желания, ни возможности повторять методологический ход Н.С. Бурлаковой и В.И. Олешкевича — выводить именно такое видение Э. Эриксона и его теории, которое представлено в книге «Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора», из особенностей их, авторов монографии, личности и мотивации, все же воспользуюсь их собственным суждением, связанным с рассказом об Э. Эриксоне его дочери Сью Блоланд: «Сью движима желанием раскрыть людям глаза на своего отца, особенно тем, кто безмерно идеализиро-

вал его, и здесь видится импульс раздражения и своеобразной мести» [с. 264]. Возможно, такое же желание (неизвестного для меня происхождения) «раскрыть людям глаза» на Э. Эриксона сподвигло и Н.С. Бурлакову с В.И. Олешкевичем написать свою монографию и таким образом идентифицировать Эрика Эриксона. В одном месте они пишут о пользе такой идентификации: их книга, на их же взгляд, дает поклонникам

Э. Эриксона шанс не стать объектами манипуляции со стороны этого теоретика. Такая мысль открывает широкие просторы для дальнейшей работы в области подобных идентификаций и разоблачений. В конце концов, в самом деле, зачем же кому бы то ни было становиться объектом манипуляции со стороны кого бы то ни было?! В том числе и со стороны защитников читателей от научного обаяния Э. Эриксона.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анциферова Л.И.* Эпигенетическая концепция развития личности Эрика. Г. Эриксона // Принцип развития в психологии. М., 1978.
2. *Ильин В.А.* Тенденции психосоциального развития в российском обществе. Уфа, 2007.
3. *Ильин В.А., Михайлова Е.А.* Кризис идентичности как ресурс модернизации общества: исследование восприятия социальных институтов российского общества представителями трех социально-возрастных категорий современных россиян // Социальная психология и общество. 2012. № 2.
4. *Толстых А.В.* Неизвестный классик // Э. Эриксон. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
5. *Эриксон Э.* Детство и общество. М., 1996.
6. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
7. *Bloland S.E.* In Shadow of Fame: a memoir by the daughter of Erik H. Erikson. N.Y., 2005.
8. *Coles R.* Erik H. Erikson: The Growth of His Work. Boston, 1970.
9. *Friedman L.J.* Identity's Architect: a biography of Erik H. Erikson. Cambridge, Massachusetts, 1999.

The Erikson Identity

Review of the Book by N.S. Burlakova and V.I. Oleshkevich

“E. Erikson's Psychological Theory of Identity as Reflected in the Author's Personal History (A Research on the Nature of Clinical Psychological Knowledge)”

Monograph. Moscow, 2011. 306 p.

NATALIA N. TOLSTYKH

Doctor in Psychology, professor, head of the Chair of Social Psychology of Development, Moscow State University of Psychology and Education

This review gives a detailed and carefully reasoned analysis of the monographic study of Erik Erikson's theoretical constructs in the context of his own life story. The review is obviously unbiased and reveals both strong and weak sides of the monograph, the latter mostly related to the authors' personal attitudes towards the works of Erik Erikson and his personality.

REFERENCES

1. *Anciferova L.I.* Epigeneticheskaya koncepciya razvitiya lichnosti Erika. G. Eriksona // Princip razvitiya v psihologii. M., 1978.
2. *Il'in V.A.* Tendencii psihosocial'nogo razvitiya v rossiiskom obshestve. Ufa, 2007.
3. *Il'in V.A., Mihailova E.A.* Krizis identichnosti kak resurs modernizacii obshestva: issledovanie vospriyatiya social'nyh institutov rossiiskogo obshestva predstavatelyami treh social'no-vozrastnyh kategorii sovremennyh rossiyan // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2012. № 2.
4. *Tolstyh A.V.* Neizvestnyi klassik // E. Erikson. Identichnost': yunost' i krizis. M., 1996.
5. *Erikson E.* Detstvo i obshestvo. M., 1996.
6. *Erikson E.* Identichnost': yunost' i krizis. M., 1996.
7. *Bloland S.E.* In Shadow of Fame: a memoir by the daughter of Erik H. Erikson. N.Y., 2005.
8. *Coles R.* Erik H. Erikson: The Growth of His Work. Boston, 1970.
9. *Friedman L.J.* Identity's Architect: a biography of Erik H. Erikson. Cambridge, Massachusetts, 1999.